

Сицзин не знал осени — стоило пройти дождю, как наступала зима.

Лян Цзинминь, обернув вокруг тайлии банное полотенце, с влажными капельками на кончиках ресниц и в уголках глаз неторопливо вышел из ванной. Стекающие капли воды омывали рельефные линии мышц — с первого взгляда было очевидно, что это идеальное тело, взлелеянное богатством и природным даром.

Он поднял взгляд, и его глаза медленно скользнули к краю кровати.

Там, прислонившись спиной к изголовью, сидел молодой мужчина. Опустив голову и прикрыв глаза, он показывал лишь четко очерченный профиль — ослепительно прекрасный до испуга. Его кожа была до холодной белизны чище снега, и даже ресницы казались почти прозрачными.

В этот момент он сидел с обнаженным торсом, а влажные белые волосы прилипли ко лбу, в то время как нижняя часть тела была небрежно укутана в тонкое одеяло. Если бросить взгляд издали, на его пугающе бледной коже виднелись следы синяков и грязи. На правой руке свободно висел серебряный браслет, а на запястье красовался жуткий багрово-синий след — результат недавней борьбы.

Под кожей проступал легкий румянец, а раны слегка сочились кровью, неся на себе то же шокирующее выражение, что и лицо. Это напоминало изорванную в клочья, хаотичную тушу, впечатанную с такой силой, что она проступила сквозь тонкую, как крыло цикады, бумагу сюаньчжи, заставляя невольно затаить дыхание от судорожного вздоха.

Под белоснежными длинными ресницами прятались розовато-фиолетовые зрачки — таков был клинический признак, вызванный генной мутацией: он страдал альбинизмом. За этой красотой, не похожей на мирскую, скрывались бесконечные страдания.

Услышав, как Лян Цзинминь толкает дверь, он повернул голову и поднял взгляд. Его глаза излучали отчужденность и холод, словно он разглядывал совершенно чужого человека.

Лян Цзинминь ненавидел этот взгляд больше всего на свете.

Безымянный гнев вспыхнул внутри, обжигая сначала сердце, печень, селезенку и почки, а затем перекинувшись на лобковую кость. Лян Цзинминь в два шага преодолел расстояние до кровати и правой рукой жестоко сжал лицо Чэн Цзина, заставляя это прекрасное, похожее на нефритовую статуэтку лицо исказиться и перекоситься, заставляя смотреть только на него, после чего с силой впился в губы поцелуем.

В моменты удушья все вокруг превращалось в бескрайний океан, а когда удавалось вновь вдохнуть первый глоток воздуха, это походило на воскрешение из мертвых.

Когда он наконец разомкнул губы, Чэн Цзин тяжело закашлялся, и на его бледном лице проступило немного красок.

Слишком бледные люди всегда казались до болезненности хрупкими. Лян Цзинминь посасывал его губы и зубы, а затем протянул руку и ощупал его тело, чувствуя, как под пальцами угадываются хрупкие позвонки Чэн Цзина.

Впрочем, в прошлом у Чэн Цзина ведь тоже было ладно скроенное тело с гармоничными пропорциями — высокое, жилистое, в строгом костюме он выглядел статным, ослепительным и несравненно красивым.

Гнев Лян Цзинминя был молчаливым: он сам словно шествовал, подобно извержению вулкана с покладистым нравом — тихо и бесшумно, когда тектонические плиты за счет трения создают локальный жар и безмятежно изливают обжигающую лаву.

Он выпустил губы и зубы Чэн Цзина, однако вовсе не собирался щадить его внешний вид. Одной рукой он зафиксировал обе руки Чэн Цзина, а другой, той самой, что только что поддерживала его затылок, изменил угол: большой палец раздвинул его зубы и вторгся в рот, пока низкий голос смешивался со сложной гаммой чувств: — Ты что, опять нормально не ел?

Разумеется, он не мог дождаться ответа от Чэн Цзина. Движение пальцев Лян Цзинминя надавило на корень языка Чэн Цзина, вызывая рвотный позыв. Тот с дискомфортом резко отпрянул назад, его затылок оторвался от теплого объятия Лян Цзинминя и с глухим стуком врезался в стену. Чэн Цзин прикрыл глаза, издав сдавленный стон, а с губ неконтролируемо потекла слюна.

<http://bllate.org/book/27751/3367613>